

Е Е С Л У Ш А Л М И Р

Молодежь Молдавии
и Кишинев

1 ИЮНЬ 1967

ПЕДЕЛЯ, во время которой проходил Международный конкурс памяти Миуро Томаки, надолго запомнится жителям крупнейшего города на земле — Тонио.

В «готовность № 1» были приведены множество репортеров, фотокорреспондентов, кино- и телеоператоров. До позднего вечера сны людей «штурмовали» Торонто-мон-холл, самый большой в городе концертный зал. Из различных стран съехались сюда певцы, чтобы в состязании утвердить свое право именоваться лучшей Чио-Чио-Сан мира.

Пространные статьи комментаторов-искусствоведов, освещающих события конкурса, зазвонно потеснили на газетных полосах уголовную и скандальную хроннику.

А на другом конце земли, в солнечной Молдавии, тысячи людей с затаенным волнением следили за перипетиями конкурса. Ведь там, в далекой «стране восходящего солнца», выступал «молдавский соловей», любимца своих земляков — Мария Биешу.

КОМПОЗИТОР Джакомо Пуччини умер в 1924 г., и он успел увидеть рождение нового мира. Конечно, maestro не смог предвосхитить кибернетику и освоение космоса, но твердо знал одно: есть духовные категории, которые бессмертны, как и само человечество. К их числу он относил в первую очередь любовь и верность. Он страстно ратовал за очищение человеческой души от грязи и пошлости.

История любви молодежькой гейши Баттерфляй (Мотылек) к американскому морскому офицеру Пинкертону глубоко взволновала композитора. Памятник, который он воздвиг прекрасной любящей женщине, сделан не из камня, гипса или гранита. Он вылеплен его из своего сердца большого музыканта и большого человека. Такой памятник не признает смерти и тленья.

Maestro Пуччини не смог предвидеть, что через полвека после первой премьеры своей оперы «Чио-Чио-Сан» потомки Пинкертон сбросят на родной город гейши Нагасаки атомную бомбу.

Вот почему Джакомо Пуччини нужен нам, как один из тех, кто выражает беспокойную совесть планеты.

Вот почему голоса вокалисток, участниц конкурса памяти Миуро Томаки, облетели весь мир.

И мы счастливы, что лучшей из лучших оказалась наша Мария Биешу.

В БОЛЬШОЕ искусство она пришла от земли. На республиканском смотре сельской художественной самодеятельности она своим пением восхитила строгое жюри и была зачислена в Кишиневскую консерваторию.

Да, у нее большое природное дарование, сильный голос, по-особому красивый тембр, но, чтобы получить мировое признание, этого мало. Нужно что-то еще. Это «еще» — душа, чувство. Партии, исполняемые ею, не похожи так же, как не похожи Чайковский и Верди. Пуччини и Леопольдо. Но, исполняя любую из них, будь то Лиза или Анда, Тоска или Недда, она одухотворяет своих героинь, радуется, страдает вместе с ними, заражая слушателей верой в то, во что сама поверила. Эффект «сопереживания» Биешу-артистки и зрительного зала исключительно ярок.

Она не приемлет никаких суррогатов чувств вместо самих чувств и, готовясь к выступлению в первом в жизни спектакле «Паяцы», не смогла усвоить многих указаний режиссера, потому что они казались ей неверными, неестественными.

А режиссер, заслуженный деятель искусств, раздражался, упрекал ее в «отсутствии артистичности». Она так и не выступила тогда в этом спектакле.

Это потом, несколько лет спустя, когда пня Биешу уже гремело, он будет говорить, что всегда «ободрял» и «всячески поддерживал» Марию. Но-тогда, во время спектакля, он быстренько пробежал мимо спрятавшейся за кулисы и горько плачущей Марии Биешу.

И БЫЛА премьера «Тоски». Но тот же режиссер, а также дирижер спектакля не спешили выпускать Биешу на сцену. Уму недостижимо, как превратное мнение находит приверженцев и оказывается чертовски живучим только потому, что было изречено «авторитетным» лицом.

Слегкой руки заслуженного деятеля она обрела репутацию «несценичной певицы».

Было от чего прийти в отчаяние. Но отчаяния не было. Ее никогда не оставляли ни упорство, ни настоящие друзья.

То время принесло ей мало радости. Правда, никаких «катастроф» не было, но она до конца испила горечь несправедливых обид и обманутого чувства... Пережитое оказалось одним из мостов к сердцам ее оперных героинь. Как у всех настоящих артистов, у этой «песенничной певицы» большая правда жизни превратилась впоследствии в большую правду на сцене.

ТЕАТР — капризный механизм. Должно же было так случиться, что дирижер «Тоски» перед самой премьерой «на смерть» поспорил с ведущей солисткой. В пик у ей он решил выпустить в премьерном спектакле вторую исполнительницу — Биешу. Конечно, это рискованно, но пусть другим неповадно будет ссориться с дирижером.

Биешу вышла на сцену, взлет палочки, и звуки ее чудесного голоса полились в зал, чаруя публику. Но не только пением захватила она зрителей. Сценический образ, созданный ею, поражал своей убедительностью. Нежная, любящая, немного ревнивая в отношениях с Каварадосси, она становится коварной и своей рукой убивает всемогущего Скарпиа во имя спасения своего любимого: гордая и несломленная в последние минуты жизни — такова Тоска Марии Биешу.

После спектакля о Биешу заговорили повсюду. Путь на большую сцену был открыт.

С МАРИЕЙ БИЕШУ я познакомился, когда она готовила партию Чио-Чио-Сан. На мой вопрос, какая черта этой героини ей больше всего импонирует, она ответила сразу: «внутренняя непримиримость». В традиционно покорной японской женщине Биешу сумела разглядеть и ярко оттенить именно это качество.

О Биешу-Баттерфляй написано много, и я не буду здесь повторяться. Мне хочется лишь рассказать об одном эпизоде. Незадолго до премьеры я встретил Биешу, выходящую после репетиции из театра. Она вытирала платочком глаза.

— У вас неприятности? — спросил я.

— Не у меня, а у Баттерфляй, но мне от этого не легче...

ПОТОМ были гастрольные поездки по стране, стажировка в Миланском театре «Ла Скала», конкурс имени Чайковского в Москве и, наконец, конкурс памяти Миуро Томаки, знаменитой японки, выступившей в партии Чио-Чио-Сан более двух тысяч раз.

В Токио было множество встреч и приемов на разных уровнях, но Биешу с нетерпением ждала той минуты, когда сможет посетить Нагасаки. И вот она в этом многострадальном городе. Мария побывала в домике, где по преданию жила Чио-Чио-Сан, долго стояла у бухты, где гейша высматривала корабль, на котором должен был вернуться ее возлюбленный.

Она стояла и думала о том, какой горькой ценой иногда оплачивается мимолетная счастья, каким прекрасным международным языком оказывается искусство. У ног ее плескалось море. Оно как бы звало молдавскую певицу в новое большое плавание.

АЛЕКСАНДР ЛЕЙ.

Мария Биешу — Чио-Чио-Сан.

Фото М. Шламовича.